

Случилось это во времена стародавние, сумраком веков покрытые...

Какие-то события, дошедшие до нас в летописях, произошли на самом деле, а кое-что придумала народная молва, дав волю богатому воображению. Теперь уже не выяснишь, чего было больше. Это известно лишь тем силам, которые выше людей. Как их ни назови.

Глава 1

Сидел сиднем Илья Муромец тридцать лет и три года. То ли ноги у него были больные, то ли лень-матушка умудрилась родиться раньше будущего богатыря и героя... Надо полагать, что виною все-таки была болезнь, ибо даже самый оголтелый лодырь хоть изредка ноги разминал бы. А когда не сидел, тогда лежал, бедняга, набираясь сил и размышляя о невеселой своей доле.

Плакали, убивались отец и мать Ильи: вместо помощника, утешения и опоры в старости получилась этакая колода (во всех смыслах). Одно горе и никакой пользы! Не спешите осуждать: крестьяне испокон веку были людьми практичными да расчетливыми. Особенно в нашем климате, к сентиментальности и безделью не располагающем.

Ребятишек рожали, сколько бог даст: кто-то померет, а кто-то и уцелеет, подрастет и делом займется, отцу с матерью поможет, работы-то всегда непочатый край. Овечку или хрюшку кормили, ухаживали, тряслись над нею, будто над ребенком малым, а сами прикидывали, как поздней осенью, когда подрастет и мясца нагуляет, пустят ее под нож. Не от жестокосердия, а исключительно из-за суровой необходимости. Как много столетий спустя выразился один умник с пышной кучерявой бородой, «бытие определяет сознание». (Правда, он-то вовсе не трудился, а жил на денежки друга своего и соратника, потому, наверное, и взбрела ему в голову чушь, будто на чужого дядю, то есть общество, можно работать с таким же усердием, как на самого себя.) Так что родителям Муромца оставалось только вздохнуть да горестно пожимать плечами, задаваясь вопросом: «За что такая напасть свалилась?!»

Но тут, хвала высшим силам, посетили их село трое калик перехожих, прибывших от самого князя Владимира. Мало того, постучались они в тот самый дом, где жили родители Муромца со своим обездвиженным отпрыском. Да в тот момент, когда отец с матерью отсутствовали, работая в поле. Дождавшись ответа: «Входите!», заглянули внутрь, поводили головами, скорбно насупились, вдохнув несвежего воздуху — а откуда же ему быть свежим, если в жилище тридцать три года обитает парализованный инвалид? — и попросили воды. Причем не из бадейки, а из колодца. Или из родника... Не упомнишь за давностью лет. Сходи, мол, детинушка, поухаживай за гостями.

Иной инвалид оскорбился бы и по матушке послал, чтобы над убогим не смеялись. Или разревелся бы от жгучей обиды. А Илья нрав имел смиренный, потому сдержал себя и ответил с вежливым укором:

— Что же вы, волки позорные, над обезноженным насмехаетесь? Аль совсем стыда не имеете? Аль вам в самые очи плюнешь — все божья роса?!

(В разных летописях утверждается, будто вместо глагола «плюнешь» использовалось более крепкое и образное выражение, но мы люди воспитанные и поэтому эту версию отринем.)

Тут уж и калики перехожие могли бы осерчать и поучить невежу посохами, наплевав на его ограниченные возможности. Благо времена были суровые. А они всего лишь повторили свою просьбу насчет водицы. Да так внушительно, что до Ильи дошло: если не послушается, могут побить. И не исключено, что даже ногами! Надо хотя бы попытаться, а там пусть сами увидят, что он и впрямь не то что ходить, а и встать не может...

Попытался... и встал. И сразу же упал в обморок от потрясения. Если бы расшиб при падении еще не буйную головушку о край дубового стола — не было бы никаких легенд и прочих героических былин.

Но — обошлось...

Пришел в себя тридцатитрехлетний детинушка, медленно и осторожно поднялся, боясь поверить в чудо. Постоял на «своих двоих», расплывшись в улыбающейся улыбке, сделал пару крохотных шажков, поморгал, затем с размаху хлопнул по щеке, стараясь убедиться, что не спит. Поморщился от боли (силушка в руках была немалая, видимо, для того, чтобы уравновесить немощь нижних конечностей), всхлипнул и вымолвил... Вот тут разрешите не уточнять, что именно. Как очень хорошо сказал по схожему поводу великий писатель Гоголь: «Русский человек, да еще и в сердцах». Сильное душевное волнение, знаете ли, способствует. Хоть все случилось не от испуга и злости, а от радости великой.

— Ты не погань уста словом матерным, орясина, а топай за водой! — с притворной суровостью вымолвил старший из калик. — Сколько просить можно? Аль стимул нужен? — И многозначительно потряс посохом.

Значение слова «стимул» Илье было неведомо, но он понял: надо повиноваться, старец суровый, шутить не любит. И, не споря, пошел то ли к колодцу, то ли к роднику, забыв взять бадью. Чувства беднягу переполняли... Не укажи ему гости на оплошность, долго потом голову ломал бы: а в чем ее нести, эту самую воду?

Слезы текли ручьем, из груди вырывались клочущие всхлипы, а глаза сияли безумным блеском. Соседи, собаки и кошки благоразумно шарахались в стороны, прятались в кустах и зарослях лопухов, инстинктивно почуяв, что это чудо не к добру. Даже корова, мирно пощипывавшая травку на лужке, округлила свои глаза, отчего они стали еще глупее, и едва не плюхнулась на «пятую точку».

Муромец в эти мгновения искренне любил весь божий свет со всеми его обитателями, оптом и в розницу. И очень хотел сотворить кому-то добро. От всей души своей, еще не богатырской.

— Какое вам доброе дело сделать?! — истошно воззвал он, оглянувшись по сторонам.

— Свят-свят-свят... — донесся из зарослей перепуганный хоровой шепот вперемешку со стуком зубов. Собаки завыли особо пронзительно и тоскливо.

— Может, помочь чем? — допытывался исцеленный бородач, потрясая трехведерной бадьей. — Может, кто вас обижает? Так вы только укажите: глаза ему натяну... — и Муромец с деревенским простодушием указал, куда именно.

К собачьему вою присоединились перепуганно-тоскливые бабьи причитания.

— И моргать заставлю! — добавил, уточняя, Илья. Завыли и мужики. Правда, сдержаннее, вполголоса. Тут, прослышав о совершившемся чуде, подоспел Будила, хозяин корчмы, что стояла у околицы на пути, ведущем в славный город Чернигов.

— Ой, радость-то какая! — с притворным ликованием возопил он, заламывая руки. — Ой, счастье-то! Хворь отступила, зашагал Илюшенька на своих ноженьках! По такому-то поводу и выпить — богоугодное дело! Заходи ко мне, добрый молодец, я скидку сделаю на первый-то раз! Аж на целую десятину!

— Да разве ж в твоей забегаловке хорошие напои, тудить тебя в качель?! — донесся скрипучий вредный голос Щемилы, который содержал точно такую же корчму, но на другой стороне дороги. — Ты, паскудник, разбодяживаешь все, бога не боишься! Не слухай его, Илья Иванович, иди в мою заведение! Уж у меня то весь товар — первый сорт! Пятнадцать видсотков¹ скину, — понизив голос, договорил и подмигнул лукавым глазом.

— Я разбодяживаю?! Да ты... Да чтоб тебя... — Будила поискал в своем богатом похабном лексиконе подходящее по крепости слово, не нашел его и, немного подумав, дал конкуренту в челюсть. Тот взвыл от боли и обиды и ответил тем же, заодно вырвав у противника клочок из бороды.

Через мгновение на дороге, вздымая столб пыли, катался клубок из тесно переплетенных тел. Вперемешку с грубой руганью доносились крики: «Илюша, пятую часть скину! Пятую!», «Илья Иваныч, из уважения к тебе и родителю твоему — четверть цены долой! Не пей у него, козленочком станешь!»

¹ То есть пятнадцать сотых (в дальнейшем это называлось «процентами»).

Селяне, привлеченные неожиданным зрелищем, пересилили страх и выбрались из зарослей, начали подбадривать кабатчиков: «А ну, еще, да как следует! Не жалей кожи, заживет гоже! В ухо ему, в ухо!»

Слово «пей» напомнило ошарашенному Муромцу, зачем он, собственно, вышел из дома. Сплюнул Илья, озадаченно почесал в затылке и направился к роднику, оставив драчунов за спиной.

— Тридцать видсотков скидки, по первости!!! — донесся двойной полузадушенный вопль.

— Да чтоб вас язва замучила, пьянь поганая! — зарыдала в голос какая-то баба. Видать, наболело.

И лишь пройдя с полсотни шагов, Муромец спохватился: он же не знает, где этот самый родник... Откуда же знать, ежели он по причине клятой своей инвалидности из дому не выходил?! Ну то есть во двор его все-таки выносили, чтобы свежим воздухом подышал, пока еще поднимать могли. А вот за ворота — ни разу...

Огорченно вздохнул силач и решил, что надо идти к колодцу. Но тут же ахнул: ведь и это ему неведомо! Что делать-то?! Простейшая мысль — вернуться к месту драки (судя по звукам, она и не думала затихать) и спросить у кого-то из зевак, где можно набрать воды, — даже в голову не пришла. Не осуждайте и не вспоминайте ехидные поговорки: «Могуч как дуб и так же туп» или «Сила есть — ума не надо». Ну что ж поделать, ежели взрослый мужик по жизненному опыту был еще как малое дитя?!

Застыл на месте Илья, ломая голову над внезапно возникшей задачей. И тут увидел ЕЕ.

Красивая стройная девка неторопливо шла по дороге, неся коромысло с двумя ведрами. Муромец ахнул,

расплылся в улыбке: так вот же оно, решение проблемы! И рванул к юной селянке, широко улыбаясь и размахивая руками, аки ветряная мельница, дабы привлечь ее внимание.

Лучше бы он этого не делал.

Судя по всему, девицу воспитывали в строгости, накрепко внушив, что проклятым мужикам от женского пола нужно «только одно» и ничего больше. А посему, при первых же признаках посягательства на ее девичью честь, нужно кричать во все горло. Авось кто-то услышит и поможет.

Наверное, при иных обстоятельствах девка и промолчала бы. Но, увидев, как к ней стремительно приближается незнакомый бородатый мужик (она же Илью не встречала ни разу!) громадного роста и с безумными глазами, бедняжка испустила истошный вопль. После чего лишилась чувств. Ведра, плюхнувшись вслед за нею на землю, каким-то чудом устояли, не опрокинулись, лишь немного воды перелилось через край.

* * *

— Тебя, орясину, только за смертью посы... — начал было старший из калик, гневно сдвинув густые брови. Но кудлатая растительность тут же проделала обратный путь, взметнувшись так высоко, как только могла. — Это еще что такое?!

— Не что, а кто! — глухо и смущенно прозвучал из-под бадьи голос Муромца. Силач медленно, неуверенно переступил через порог, придерживая девку, перекинутую через плечо. В другой руке Илья держал коромысло с надетыми ведрами. Бадья, которую он прихватил, выходя из дому, теперь висела у него на голове —

просто потому, что больше деть ее было некуда. — Чувств лишилась... Не бросать же было на дороге!

Спохватившись, он поставил ведра на пол и снял бадью.

— Чувств лишилась? Просто так, ни с того ни с сего? — подозрительно допытывался калика. Его товарищи попеременно буравили парочку взглядом: Илью — осуждающим, а девуку — заинтересованно-сладокрастным.

— Сам не пойму! — убежденно заявил Муромец. — Ничего не сделал, вошел только! Тьфу, подошел то есть...

Снаружи донесся нарастающий топот и хоровой гвалт:

— Вот сюда он вошел, охальник, туточки он! Имай злодея! Осторожно, господине, ступенька подломана...

— До чего дожили! Средь бела дня девок воруют! Словно басурмане горбоносые...

— Пущай теперь женится! А то я до самого князя с жалобой дойду, в ноги ему кинусь...

— А еще немощным прикидывался, с-скотина...

— Тихо-о-а-а!!! Разберемся. Свидетели есть?

— Я, я свидетельница! А что случилось-то?!

Девка в этот момент ожила и открыла глаза. Обнаружив себя в чужом жилище и мало того — на плече того самого страшного мужика, она тут же завопила снова. Да так, что Илья от неожиданности чуть не уронил ее, а старцы со страдальческим стоном заткнули уши и поморщились.

— Насилуют!!! — заорал кто-то снаружи.

Дверь затрещала под дружным коллективным напором и вылетела вместе с косяками. Первым в дом ворвался княжеский дружинник с гневно пылавшими глазами и нежным пушком на щеках. За ним поспе-

шала целая толпа, во главе с мужиком и бабой — родителями той самой девки. Дом, и без того не слишком просторный, сразу стал очень тесным.

— Батюшка, матушка, не виноватая я, он сам пришел! — истошно взвыла девка, вырываясь из могучей лапищи Муромца. Илья, растерянно хлопая глазами, поставил ее на пол и на всякий случай попятился.

— Куды?! Стоять! — рявкнул дружинник. — Так-с, что же мы имеем? Похищение несовершеннолетней — раз. Попытка изнасилования ее же — два. Да еще, похоже, организованной группой по предварительному сговору, — он с подозрением повел взглядом по каликам, — три! А может, и того хуже: в рабство ее продать хотели, чужеземным купцам... Признавайся, смерд, пошто беспредельничал, пытаясь подбить односельчан своих на русский бунт, бессмысленный и беспощадный?! Покайся чистосердечно, тебе зачтется. Сядешь не на кол, а в поруб, на каких-то десять лет, и потом свободен! Кстати, вас, старики, тоже касается! — дружинник покачал головой. — Верно говорят: седина в бороду, а бес в известное место. Тьфу, а прикидывались-то! Самому князю голову задурили!

В голове у бедного Ильи, хоть он и не был князем, тоже все смешалось. Потрясение, испуг, гнев и неудержимый порыв устроить тот самый бунт... Мать честная, вот это сходил за хлебушком... тьфу, за водицей!

— Сыне, ты ошибаешься... — начал было старший калика. Но тут его прервал Муромец, выпаливший первое, что пришло на ум:

— От смерда слышу!

Народ дружно ахнул и на всякий случай попятился. Лицо дружинника сначала побагровело, потом побледнело, а под конец вообще пошло пятнами.

— Ах ты... Меня, славного витязя Алешу Поповича, любимца пресветлого князя Владимира, в смерды зачислять?! Мужик! Деревенщина неотесанная! Зарублю! — Рука потянула меч из ножен...

С истошным визгом в «славного витязя» вцепились сразу две пары рук — мужских и женских.

— Не убивай его, господине, пусть сперва женится! А то девке нашей вековечный позор! — орал отец «похищенной».

— Я ему хорошей тещей буду, проклянет собственную мать, что не скинула! — визжала баба.

— Молчать!!! — рявкнул вдруг старший из калик, теряя последнее терпение. Выпрямился во весь рост и принялся бормотать заклинания, размахивая посохом — как позволяла теснота.

И случилось чудо. Целая толпа народу вдруг замерла и онемела. С выпученными глазами и раскрытыми ртами. Похожее зрелище увековечил спустя многие сотни лет известный автор с фамилией, коя напоминала про уток.

— Верно, братие волхвы, сказывал великий мудрец из Чайной земли: ни одно доброе дело безнаказанным не останется! — вздохнул старший. — Водицы и той не поднесли, негодники!

Илья хотел было беззвучно завопить, протестуя против столь наглого поклепа, но, скосив взгляд долу — насколько позволяло онемение — обнаружил, что ведра опрокинуты, а на полу здоровенная лужа. Ну, ясно, коли в дом врывается целая толпа, горящая жаждой возмездия, не под ноги же ей смотреть! Лавки опрокинут, посуду раскидают, коту хвост оттопчут...

Угольно-черный кот Тишка, успевший вовремя взлететь на печку, негодующе мяукнул, соглашаясь с хозяином.

Старший волхв пробормотал еще пару заклинаний, взмахнул посохом, и все посторонние, кроме дружинника, исчезли. В доме сразу стало просторно.

— Ну и что теперь делать? — развел руками второй калика, то есть волхв. — Может, так и оставить да идти дальше? Дел-то у нас — хоть отбавляй!

«Как это оставить?! — беззвучно возопил Муромец. — Только исцелили, и опять — колода колодой?!»

— Нельзя! — вздохнул третий. — Мы же волхвы, а не халтурщики какие... Поручение должно быть исполнено. Хоть парень дуб дубом, — он с сожалением взглянул на Илью, — а второго такого не найдешь.

«Ты меня только расколдуй, я тебе такого дуба покажу!» — мстительно подумал бородатый детинушка.

И тут вернулись родители...

Ой, что было! Мать-то Илюшина была женщиной строгой, а малейший беспорядок в доме сердил ее пуще, чем воеводу — неопрятность и нерадивость новобранца. И коромысло очень кстати подвернулось ей под руку... Мужу, который первым пришел в себя и попробовал ее урезонить, досталось тоже. Чтобы не лез поперек горячей бабы в разборки.

Старший волхв то ли от потрясения, то ли от любопытства с заклинанием опоздал... Или, может, понадеялся на свое умение управляться с боевым посохом. Не зря же он был признанным мастером своей школы и стилем «Дикий зверь отбивается от своры злых собак» владел в совершенстве.

Что же, ему довелось на собственном опыте оценить стиль «Злая хозяйка возвращается домой».